

“На коленях я, глядишь, уже стояла и уже лежала на спине”, - говорит мамаша Кураж, роль которой репетирует в БДТ Светлана Крючкова

- БЫЛО время, когда у меня появилось чувство отчуждения от моего театра, мы повернулись друг к другу спиной, как обиженные дети. И тем больше была радость, с которой я кинулась в объятия моего дома, когда мне сказали об этой роли. Но я боялась поверить в то, что меня утвердили, пока не вывели распределение. Я сейчас вообще плохо понимаю, где я и где мамаша Кураж. Для начала - это восемьдесят восемь страниц текста. Моей героине нет только в одной картине, когда она отлучается в город, да и то ненадолго. Я переписала себе ее песни, и теперь они все время во мне звучат. Я напоминаю себе Епиходова: “Работаю ли я, хожу ли, кушаю, играю ли на бильярде...” Скажите, у вас бывает горячее состояние, полубредовое? Вот я сейчас в таком состоянии нахожусь.

- Светлана Николаевна, а вы когда-нибудь мечтали об этой роли?

- Никогда. Более того, позапрошлым летом я просто так, для себя перечитала эту пьесу Брехта, и она показалась мне холодной. Я не увидела в ней того, что сумел раскрыть на репетициях Сергей Иванович Яшин, человек чрезвычайно тонкий и глубокий.

- Вам легко работать с ним?

- Я его просто обожаю. Однажды я сказала при нем, что режиссер имярек очень хорошо умеет разобрать пьесу. А он ответил: разбирать-то многие умеют, вот собрать бы. Мне кажется, Яшин умеет и разобрать, и собрать. Давно не получала такого удовольствия от работы. У меня все трепещет внутри. Яшин работает с невероятной отдачей, тратится нещадно. И мы за каждую репетицию платим своей кровью, своими клетками. Репетиция - это выворот души наизнанку, исповедь перед Богом, перед совестью, друг перед другом, понимаете? В репетиционной комнате микрофонов нет - и мы говорим про себя такие вещи, такие подробности из себя вытаскиваем, что порой после репетиции в себя не сразу придешь.

- Вы могли бы сыграть эту роль раньше или встреча должна была состояться именно сейчас?

- Лет восемь назад точно не смогла бы - я бы не знала, как ее играть. Сейчас знаю. Боль мамаша Кураж сливается с моей болью, с моими проблемами - женскими, жизненными, материальными, духовными. Я вообще верю в судьбу.

- Вы не боитесь, что театр обвинят в конъюнктуре и погоне за злобой дня?

- Нисколько не боюсь. Сергей Иванович не сверял свой замысел со злобой дня - он возник органично. Да, Брехт актуален. А как он может быть сегодня неактуален, скажите мне? Пьеса начинается с того момента, когда пошел шестнадцатый год войны. А сколько у нас длится вся эта катавасия? Давайте-ка вспомним про остров Даманский, который ушел неведомо куда. Мне тогда, кажется, восемнадцать лет было. Потом Афган, потом Чечня. И как мы раньше возмущались, как падали в обморок, узнавая какие-то подробности. А сейчас спокойно сидим и слушаем сообщение о том, что позавчера убили двух человек, вчера - четырех. Или я говорю: ой, у меня болит сердце, я больше не могу это слышать и смотреть. Капаю корвалол - и засыпаю. А может

ли заснуть та мать, чей сын убит? Нет конечно. А я засыпаю - вот в чем подлость-то. И Достоевский бесконечно прав: подлец человек и подлец тот, кто его подлецом назовет. Когда я выхожу на эстраду и читаю пушкинское “Клеветникам России”, оно звучит так, будто сегодня написано. Кто-то мне сказал, что это невзоровщина сплошная, а не поэзия. Но вот Станислав Борисович Рассадин послушал, как я его читаю, и признался, что раньше недолюбливал это стихотворение, а сейчас вдруг услышал в нем такую боль... На что я ему говорю: а как же? У меня двое сыновей. Я читаю как женщина, через судьбу которой неосредственно проходит все то, что сейчас творится.

- Вам не кажется, что зрителю тоже захочется корвалола: он скажет, что пришел в театр отдохнуть?

- Вы не думайте, что мы будем играть трагедию. Мы не хотим делать скучный морализаторский спектакль. Как сказать, про что он? Да про все. Хотите веселиться - пожалуйста. Спектакль будет веселый, яркий, с песнями, с танцами. Кураж ее зовут, понимаете? Она женщина Ренессанса. Ее гнут - она не гнется, ее бьют - она опять встает. Там же есть картина, когда она говорит: кто сказал, что война - плохо? Это прекрасно! Да здравствует война! И поет, и танцует, и заводит всех. А пей, а гуляй! Умирают? Да бог с ними. Мой сын умирал - кого это трогало? И меня никто не трогает. Пока дочь не заманется на нее доской: мама, ты с ума сошла!

- Вы оправдываете свою героиню, когда она не признается, что мертвый юноша - ее сын?

- А можно ли ее винить? Ведь у нее остался другой ребенок, и если она признается, то убьют и его.

- А дальше легко находит в себе силы продолжать заниматься своим невеселым ремеслом?

- Да, вместо того чтобы рвать на себе волосы от горя, она кричит: вот я вам всем!.. Елена Вайгель, царство ей небесное, замечательная была актриса - но что она играла? Торговку, которая, несмотря на смерть сына, снова впрягается в повозку. Но ведь это акт отчаяния! Она неистово требует: отдайте мои пять гульденов, верните то, что забрали у меня! А забрали что? Сына забрали. Кто его вернет? Никто. И ее выплеск значительно меньше того, что кипит внутри. И когда она протрговывает второго сына - это же от бессилия. Кажется, грош цена такой матери, которая торгуется: дам двести гульденов за сына - не дам... Так ведь это у нее последние деньги. Сейчас она их отдаст - и чем будет девочку кормить утром?

- Вы находите в себе черты мамаша Кураж?

- Яшин их находит. Он замечательно на мне играет - меня это даже удивляет, потому что я “сложный инструмент”. Мамашу Кураж обычно играют старушкой. Извините, у нее два любовника! Она женщина прежде всего. Все - ее дети. И любой мужчина тоже ее ребенок. Почему к ней тянутся? С ней тепло, с ней надежно, с ней весело. И нежности в ней много. Жизнь задавила ее, заставила быть другой. На самом деле она открытый, открытый перед богом человек...

Беседовал
Дмитрий САВЕЛЬЕВ